

...По эту сторону рая
Мудрость — опора плохая.
Руперт Брук

Опытом люди называют свои ошибки.
Оскар Уайльд

Книга первая

***Романтический
эгоист***

Глава I

ЭМОРИ, СЫН БЕАТРИСЫ

Эмори Блейн унаследовал от матери все, кроме тех нескольких трудно определимых черточек, благодаря которым он вообще чего-нибудь стоил. Его отец, человек бесхарактерный и безликий, с пристрастием к Байрону и с привычкой дремать над «Британской энциклопедией», разбогател в тридцать лет после смерти двух старших братьев, преуспевающих чикагских биржевиков, и, воодушевленный открытием, что к его услугам весь мир, поехал в Бар-Харбор, где познакомился с Беатрисой О'Хара. В результате Стивен Блейн получил возможность передать потомству свой рост — чуть пониже шести футов — и свою неспособность быстро принимать решения, каковые особенности и проявились в его сыне Эмори. Долгие годы он маячил где-то на заднем плане семейной жизни, безвольный человек с лицом, наполовину скрытым прямыми шелковистыми волосами, вечно поглощенный «заботами» о жене, вечно снедаемый сознанием, что он ее не понимает и не в силах понять.

Зато Беатриса Блейн, вот это была женщина! Ее давнишние снимки — в отцовском поместье в Лейк-Джинева, штат Висконсин, или в Риме, у монастыря Святого Сердца — роскошная деталь воспитания, доступного в то время только дочерям очень богатых родителей, — запечатлели восхитительную тонкость ее черт, законченную изысканность и простоту ее туалета. Да, это было блестящее воспитание, она провела юные годы в лучах Ренессанса, приобщилась к последним сплетням о всех старинных римских семействах,

ее, как баснословно богатую юную американку, знали по имени кардинал Витори и королева Маргарита, не говоря уже о менее явных знаменитостях, о которых и услышать-то можно было, только обладая определенной культурой. В Англии она научилась предпочитать вино виски с содовой, а за зиму, проведенную в Вене, ее светская болтовня стала и разнообразнее и смелее. Словом, Беатрисе О'Хара досталось в удел воспитание, о каком в наши дни нельзя и помыслить; образование, измеряемое количеством людей и явлений, на которые следует взирать свысока или же с благоговением; культура, вмещающая все искусства и традиции, но ни единой идеи. Это было в самом конце той эпохи, когда великий садовник срезал с куста все мелкие неудавшиеся розы, чтобы вывести один безупречный цветок.

В каком-то промежутке между двумя захватывающими сезонами она вернулась в Америку, познакомилась со Стивеном Блейном и вышла за него замуж — просто потому, что немножко устала, немножко загрустила. Своего единственного ребенка она носила томительно скучную осень и зиму и произвела на свет весенним днем 1896 года.

В пять лет Эмори уже был для нее прелестным собеседником и товарищем. У него были каштановые волосы, большие красивые глаза, до которых ему предстояло дорасти, живой ум, воображение и вкус к нарядам. С трех до девяти лет он объездил с матерью всю страну в личном салон-вагоне ее отца — от Коронадо, где мать так скучала, что с ней случился нервный припадок в роскошном отеле, до Мехико-Сити, где она заразилась легкой формой чахотки. Это недомогание пришлось ей по вкусу, и впоследствии она, особенно после нескольких рюмок, любила пользоваться им как элементом атмосферы, которой себя окружала.

Таким образом, в то время как не столь удачливые богатые мальчики воевали с гувернантками на взмо-

рье в Ньюпорте, в то время как их шлепали и журили и читали им вслух «Дерзай и сделай» и «Фрэнка на Миссисипи», Эмори кусал безропотных малолетних рассыльных в отеле «Уолдорф», преодолевал врожденное отвращение к камерной и симфонической музыке и подвергался в высшей степени выборочному воспитанию матери.

— Эмори!

— Что, Беатриса? (Она сама захотела, чтобы он так странно ее называл.)

— Ты и не думай еще вставать, милый. Я всегда считала, что рано вставать вредно для нервов. Клотильда уже распорядилась, чтобы завтрак принесли тебе в номер.

— Ладно.

— Я сегодня чувствую себя очень старой, Эмори, — вздыхала она, и лицо ее застывало в страдании, подобно прекрасной камее, голос искусно замирал и повышался, а руки взлетали выразительно, как у Сары Бернар. — Нервы у меня вконец издерганы. Завтра мы уедем из этого ужасного города, поищем где-нибудь солнца.

Сквозь спутанные волосы Эмори поглядывал на мать своими пронизательными зелеными глазами. Он уже тогда не обольщался на ее счет.

— Эмори!

— Ну что?

— Тебе необходимо принять горячую ванну — как можно горячее, как сможешь терпеть, и дать отдых нервам. Если хочешь, можешь взять в ванну книжку.

Ему еще не было десяти, когда она пичкала его фрагментами из «Fêtes galantes»¹ Дебюсси; в одиннадцать лет он бойко, хотя и с чужих слов, рассуждал о Брамсе, Моцарте и Бетховене. Как-то раз, когда его оставили одного в отеле, он отведал абрикосового ликера, которым поддерживала себя мать, и, найдя его

---

¹ «Галантные праздники» (фр.).

вкусным, быстро опьянел. Сначала было весело, но на радостях он попробовал и закурить, что вызвало вульгарную, самую плебейскую реакцию. Этот случай привел Беатрису в ужас, однако же втайне и позабавил ее, и она, как выразилось бы следующее поколение, включила его в свой репертуар.

— Этот мой сынишка, — сообщила она однажды при нем целому сборищу женщин, внимавших ей со страхом и восхищением, — абсолютно все понимает и вообще очарователен, но вот здоровье у него слабое... У нас ведь у всех слабое здоровье. — Ее рука сверкнула белизной на фоне красивой груди, а потом, понизив голос до шепота, она рассказала про ликер. Гости смеялись, потому что рассказывала она отлично, но несколько буфетов было в тот вечер заперто на ключ от возможных поползновений маленьких Бобби и Бетти...

Семейные паломничества неизменно совершались с помпой: две горничные, салон-вагон (или мистер Блейн, когда он оказывался под рукой) и очень часто — врач. Когда Эмори болел коклюшем, четыре специалиста, рассевшись вокруг его кровати, бросали друг на друга злобные взгляды; когда он подхватил скарлатину, число служающих, включая врачей и сиделок, достигло четырнадцати. Но, несмотря на это, он все же выздоровел.

Имя Блейн не было связано ни с одним из больших городов. Они были известны как Блейны из Лейк-Джинева; взамен друзей им вполне хватало многочисленной родни, и они пользовались весом везде — от Пасадены до мыса Код. Но Беатриса все больше и больше тяготела к новым знакомствам, потому что некоторые свои рассказы, как, например, о постепенной эволюции своего организма или о жизни за границей, ей через определенные промежутки времени требовалось повторять. Согласно Фрейдю, от этих тем, как от навязчивых снов, нужно было избавляться, чтобы не дать им завладеть ею и подточить ее нервы. Но к аме-

риканкам, особенно к кочевому племени уроженок Запада, она относилась критически.

— Их невозможно слушать, милый, — объясняла она сыну. — Они говорят не как на Юге и не как в Бостоне, их говор ни с какой местностью не связан, просто какой-то акцент... — Начиналась игра фантазии. — Они откапывают какой-нибудь обветшалый лондонский акцент, давно оставшийся не у дел, — надо же кому-то его приютить. Говорят, как английский дворецкий, который несколько лет прослужил в оперной труппе в Чикаго. — Дальше шло уже почти непонятное. — Наверно... период в жизни каждой женщины с Запада... чувствует, что ее муж достаточно богат, чтобы ей уже можно было обзавестись акцентом... они пытаются пустить мне пыль в глаза, *мне...*

Собственное тело представлялось ей клубком всевозможных болезней, однако свою душу она тоже считала больной, а значит — очень важной частью себя. Когда-то она была католичкой, но, обнаружив, что священники слушают ее гораздо внимательнее, когда она готова либо вот-вот извериться в матери-церкви, либо вновь обрести веру в нее, — удерживалась на неотразимо шаткой позиции. Порой она сетовала на буржуазность католического духовенства в Америке и утверждала, что, доведись ей жить под сенью старинных европейских соборов, ее душа по-прежнему горела бы тонким язычком пламени на могущественном престоле Рима. В общем, священники были, после врачей, ее любимой забавой.

— Ах, епископ Уинстон, — заявляла она, — я вовсе не хочу говорить о себе. Воображаю, сколько истеричек толпится с просьбами у вашего порога, зная, какой вы симпатико... — Потом, после паузы, заполненной репликой священника: — Но у меня, как ни странно, совсем иные заботы.

Только тем священнослужителям, что носили сан не ниже епископского, она поверяла историю своего клерикального романа. Давным-давно, только что

вернувшись на родину, она встретила в Ашвилле молодого человека суинберновско-языческого толка, чьи страстные поцелуи и недвусмысленные речи не оставили ее равнодушной. Они обсудили все «за» и «против» как интеллигентные влюбленные, без тени сентиментальности, и в конце концов она решила выйти замуж в соответствии со своим общественным положением, а он пережил духовный кризис, принял католичество и теперь звался монсеньор Дарси.

— А знаете, миссис Блейн, он ведь и сейчас еще интереснейший человек, можно сказать — правая рука кардинала.

— Когда-нибудь, я уверена, Эмори обратится к нему за советом, — лепетала красавица, — и монсеньор Дарси поймет его, как понимал меня.

К тринадцати годам Эмори сильно вытянулся и стал еще больше похож на свою мать — ирландку. Время от времени он занимался с учителями, — считалось, что в каждом новом городе он должен «продолжать с того места, где остановился». Но поскольку ни одному учителю не удалось выяснить, где именно он остановился, голова его еще не была сверх меры забита знаниями. Трудно сказать, что бы из него получилось, если бы такая жизнь тянулась еще несколько лет. Но через четыре часа после того, как они с матерью отплыли в Италию, у него обнаружился запущенный аппендицит — скорее всего, от частых завтраков и обедов в постели, — и в результате отчаянных телеграмм в Европу и в Америку, к великому изумлению пассажиров, огромный пароход повернул обратно к Нью-Йорку, и Эмори был высажен на мол. Согласитесь, что это было великолепно, если и не слишком разумно.

После операции у Беатрисы был нервный срыв, подозрительно смахивающий на белую горячку, и Эмори на два года оставили в Миннеаполисе у дяди с теткой. И там его застигла, можно сказать, врасплох грубая, вульгарная цивилизация американского Запада.

ЭПИЗОД С ПОЦЕЛУЕМ

Он читал, презрительно кривя губы:

«Мы устраиваем катанье на санях в четверг семнадцатого декабря. Надеюсь, что и Вы сможете поехать. Приходите к пяти часам.

Преданная Вам

Майра Сен-Клер».

Он прожил в Миннеаполисе два месяца и все это время заботился главным образом о том, чтобы другие мальчики в школе не заметили, насколько выше их он себя считает. Однако убеждение это зиждилось на песке. Однажды он отличился на уроке французского (французским он занимался в старшем классе), к великому конфузу мистера Рирдона, над чьим произношением он высокомерно издевался, и к восторгу всего класса. Мистер Рирдон, который десять лет назад провел несколько недель в Париже, стал в отместку на каждом уроке гонять его по неправильным глаголам. Но в другой раз Эмори решил отличиться на уроке истории, и тут последствия были самые плачевные, потому что его окружали сверстники, и они потом целую неделю громко перекрикивались, утрируя его столичные замашки: «На мой взгляд... э-э-э... в американской революции были заинтересованы главным образом средние классы...», или: «Вашингтон происходил из хорошей семьи, да, насколько мне известно, из очень хорошей семьи...»

Чтобы спастись от насмешек, Эмори даже пробовал нарочно ошибаться и путать. Два года назад он как раз начал читать одну книгу по истории Соединенных Штатов, которую, хоть она и доходила только до Войны за независимость, его мать объявила прелестной.

Хуже всего дело у него обстояло со спортом, но, убедившись, что именно спортивные успехи обеспечивают мальчику влияние и популярность в школе, он

тут же стал тренироваться с яростным упорством — изо дня в день, хотя лодыжки у него болели и подвергались, совершал на катке круг за кругом, стараясь хотя бы научиться держать хоккейную клюшку так, чтобы она не цеплялась все время за коньки.

Приглашение мисс Майры Сен-Клер пролежало все утро у него в кармане, где пришло в тесное соприкосновение с пыльным остатком липкой ореховой конфеты. Во второй половине дня он извлек его на свет божий, обдумал и, набросав предварительно черновик на обложке «Первого года обучения латинскому языку» Коллара и Дэниела, написал ответ:

«Дорогая мисс Сен-Клер!

Ваше прелестное приглашение на вечер в будущий четверг доставило мне сегодня утром большую радость. Буду счастлив увидеться с Вами в четверг вечером.

Преданный Вам

Эмори Блейн».

И вот в четверг он задумчиво прошагал к дому Майры по скользким после скребков тротуарам и подошел к подъезду в половине шестого, решив, что именно такое опоздание одобрила бы его мать. Позволив, он ждал на пороге, томно полузакрыв глаза и мысленно репетируя свое появление. Он без спешки пройдет через всю комнату к миссис Сен-Клер и произнесет с безошибочно правильной интонацией:

«Дорогая миссис Сен-Клер, простите ради бога за опоздание, но моя горничная... — он осекся, сообразив, что это было бы плагиатом, — но мой дядя непременно хотел представить меня одному человеку... Да, с вашей прелестной дочерью мы познакомились в танцклассе».

Потом он пожмет всем руку, слегка, на иностранный манер поклонится разряженным девочкам и небрежно кивнет ребятам, которые будут стоять, сбившись тесными кучками, чтобы не дать друг друга в обиду.

Дверь отворил дворецкий (один из трех во всем Миннеаполисе). Эмори вошел и снял пальто и шапку. Его немного удивило, что из соседней комнаты не слышно хора визгливых голосов, но он тут же решил, что прием сегодня торжественный, официальный. Это ему понравилось, как понравился и дворецкий.

— Мисс Майра, — сказал он.

К его изумлению, дворецкий нахально ухмыльнулся.

— Да, она-то дома, — выпалил он, неудачно подражая говору английского простолюдина.

Эмори окинул его холодным взглядом.

— Только, кроме нее-то, никого дома нет. — Голос его без всякой надобности зазвучал громче. — Все уехали.

Эмори даже ахнул от ужаса.

— Как?!

— Она осталась ждать Эмори Блейна. Скорее всего, это вы и есть? Мать сказала, если вы заявитесь до половины шестого, чтобы вам двоим догонять их в «паккарде».

Отчаяние Эмори росло, но тут появилась и Майра, закутанная в меховую накидку, — лицо у нее было недовольное, вежливый тон давался ей явно с усилием.

— Привет, Эмори.

— Привет, Майра. — Он дал ей понять, что угнетен до крайности.

— Все-таки добрался наконец.

— Я сейчас тебе объясню. Ты, наверно, не слышала про автомобильную катастрофу.

Майра широко раскрыла глаза.

— А кто ехал?

— Дядя, тетя и я, — бухнул он с горя.

— И кто-нибудь убит?

Он помедлил и кивнул головой.

— Твой дядя?

— Нет, нет, только лошадь... такая, серая.

Тут мужлан-дворецкий поперхнулся от смеха.

— Небось лошадь убила мотор, — подсказал он.

Эмори не задумываясь послал бы его на плаху.

— Ну, мы уезжаем, — сказала Майра спокойно. — Понимаешь, Эмори, сани были заказаны на пять часов, и все уже собрались, так что ждать было нельзя...

— Но я же не виноват...

— Ну и мама велела мне подождать до половины шестого. Мы догоним их еще по дороге к клубу «Миннегага».

Последние остатки притворства слетели с Эмори. Он представил себе, как сани, звеня бубенцами, мчатся по заснеженным улицам, как появляется лимузин, как они с Майрой выходят из него под укоряющими взглядами шестидесяти глаз, как он приносит извинения... на этот раз не выдуманные. Он громко вздохнул.

— Ты что? — спросила Майра.

— Да нет, я просто зевнул. А мы наверняка догоним их еще по дороге?

У него зародилась слабая надежда, что они проскользнут в клуб «Миннегага» первыми и там встретят остальных, как будто уже давно устали ждать, сидя у камина, и тогда престиж его будет восстановлен.

— Ну конечно, конечно, догоним. Только не копайся.

У него засосало под ложечкой. Садясь в автомобиль, он наскоро подмешал дипломатии в только что зародившийся сокрушительный план. План был основан на чьем-то отзыве, кем-то переданном ему в танцклассе, что он «здорово красивый и что-то в нем есть английское».

— Майра, — сказал он, понизив голос и тщательно выбирая слова. — Прости меня, умоляю. Ты можешь меня простить?

Она серьезно поглядела на него, увидела беспокойные зеленые глаза и губы, казавшиеся ей, тринадцатилетней читательнице модных журналов, вер-

хом романтики. Да, Майра с легкостью могла его простить.

— Н-ну... В общем, да.

Он снова взглянул на нее и опустил глаза. Своим ресницам он тоже знал цену.

— Я ужасный человек, — сказал он печально. — Не такой, как все. Сам не знаю, почему я совершаю столько оплошностей. Наверно, потому, что мне все — все равно. — Потом, беспечно: — Слишком много курю последнее время. Отразилось на сердце.

Майра представила себе ночную оргию с курением и Эмори, бледного, шатающегося, с отравленными никотином легкими. Она негромко вскрикнула:

— Ой, Эмори, не надо курить, ну пожалуйста. Ты же перестанешь расти.

— А мне все равно, — повторил он мрачно. — Бросить я не могу. Привык. Я много делаю такого, что если б узнали мои родственники... На прошлой неделе я ходил в театр-варьете.

Майра была потрясена. Он опять взглянул на нее зелеными глазами.

— Из всех здешних девочек только ты мне нравишься, — воскликнул он с чувством. — Ты симпатико.

Майра не была в этом уверена, но звучало слово модно, хотя почему-то и неприлично.

На улице уже сгустилась темнота. Лимузин круто свернул, и Майру бросило к Эмори. Их руки соприкоснулись.

— Нельзя тебе курить, Эмори, — прошептала она. — Неужели ты сам не понимаешь?

Он покачал головой.

— Никому до меня нет дела.

Майра сказала не сразу:

— Мне есть.

Что-то шевельнулось в его сердце.

— Еще чего! Ты влюблена в Фрогги Паркера, это всем известно.

— Неправда, — произнесла она медленно — и замолчала.

Эмори ликовал. В Майре, уютно отгороженной от холодной, туманной улицы, было что-то неотразимое. Майра, клубочек из меха, и желтые прядки выются из-под спортивной шапочки.

— Потому что я тоже влюблен... — Он умолк, заглянув вдаль взрывы молодого смеха, и, прильнув к замерзшему стеклу, разглядел под уличными фонарями темные контуры саней. Нужно действовать немедленно. С усилием он подался вперед и схватил Майру за руку — вернее, за большой палец.

— Скажи ему, пусть едет прямо в «Миннегагу», — шепнул он. — Мне нужно с тобой поговорить, обязательно.

Майра тоже разглядела сани с гостями, на секунду представила себе лицо матери, а потом — прощай строгое воспитание! — еще раз заглянула в те глаза.

— Здесь сверните налево, Ричард, и прямо к клубу «Миннегага»! — крикнула она в переговорную трубку.

Эмори со вздохом облегчения откинулся на подушки.

«Я могу ее поцеловать, — подумал он. — В самом деле могу. Честное слово».

Небо над головой было где чистое как стекло, где туманное, холодная ночь вокруг напряженно вибрировала. От крыльца загородного клуба тянулись вдаль дороги — темные складки на белом одеяле, и высокие сугробы окаймляли их, словно отмечая путь гигантских кротов. Они постояли на ступеньках, глядя на белую зимнюю луну.

— Такие вот бледные луны... — Эмори неопределенно повел рукой, — облакают людей таинственностью. Ты сейчас похожа на молодую колдунью без шапки, растрепанную... — Ее руки потянулись пригладить волосы. — Нет, не трогай, так очень красиво.

Они не спеша поднялись на второй этаж, и Майра провела его в маленькую гостиную, как раз такую, о какой он мечтал, где стоял большой низкий диван, а перед ним уютно потрескивал огонь в камине. Несколько лет спустя комната эта стала для Эмори подмостками, колыбелью многих эмоциональных коллизий. Сейчас они поговорили о катании с гор.

— Всегда бывает парочка стеснительных ребят, — рассуждал он, — они садятся на санки сзади, перешептываются и норовят столкнуть друг друга в снег. И всегда бывает какая-нибудь косоглазая девчонка, вот такая, — он скорчил жуткую гримасу, — та все время дерзит взрослым.

— Странный ты мальчик, — задумчиво сказала Майра.

— Чем? — Теперь он был весь внимание.

— Да вечно болтаешь что-то непонятное. Пойдем завтра на лыжах со мной и с Мэрилин?

— Не люблю девочек при дневном свете, — отрезал он и тут же, спохватившись, что это слишком резко, добавил: — Ты-то мне нравишься. — Он откашлялся. — Ты у меня на первом, на втором и на третьем месте.

Глаза у Майры стали мечтательные. Рассказать про это Мэрилин — вот удивится! Как они сидели на диване с этим необыкновенным мальчиком, и камин горел, и такое чувство, будто они одни во всем этом большущем доме.

Майра сдалась. Очень уж располагающая была обстановка.

— Ты у меня от первого места до двадцать пятого, — призналась она дрожащим голосом, — а Фрогги Паркер на двадцать шестом.

За один час Фрогги потерял двадцать пять очков, но он еще не успел это заметить.

Эмори же, будучи на месте, наклонился и поцеловал Майру в щеку. Он еще никогда не целовал девочки и теперь облизал губы, словно только что попробовал

какую-то незнакомую ягоду. Потом их губы легонько соприкоснулись, как полевые цветы на ветру.

— Нельзя так, — радостно шепнула Майра. Она нашарила его руку, склонилась головой ему на плечо.

Внезапно Эмори охватило отвращение, все стало ему гадко, противно. Хотелось убежать отсюда, никогда больше не видеть Майру, никогда больше никого не целовать; он словно со стороны увидел свое лицо и ее, их сцепившиеся руки и жаждал одного — вылезти из собственного тела и спрятаться подальше, в укромном уголке сознания.

— Поцелуй меня еще раз. — Ее голос донесся из огромной пустоты.

— Не хочу, — услышал он свой ответ.

Снова молчание.

— Не хочу, — повторил он со страстью.

Майра вскочила, щеки ее пылали от оскорбленного самолюбия, бант на затылке негодуяще трепыхался.

— Я тебя ненавижу! — крикнула она. — Не смей больше со мной разговаривать!

— Что? — растерялся он.

— Я скажу маме, что ты меня поцеловал. Скажу, скажу, и она запретит мне с тобой водиться.

Эмори встал и беспомощно смотрел на нее, точно видел перед собой живое существо, совершенно незнакомое и нигде не описанное.

Дверь отворилась, на пороге стояла мать Майры, доставая из сумочки лорнет.

— Ну вот, — начала приветливо, поднося лорнет к глазам. — Портъе так и сказал мне, что вы, наверно, здесь... Здравствуйте, Эмори.

Эмори смотрел на Майру и ждал взрыва, но взрыва не последовало. Сердитое лицо разгладилось, румянец сбегал с него, и, когда она отвечала матери, голос ее был спокоен, как озеро под летним солнцем.

— Мы так поздно выехали, мама, я подумала, что нет смысла...

Снизу донесся звонкий смех и сладковатый запах горячего шоколада и пирожных. Эмори молча стал спускаться по лестнице вслед за матерью и дочерью. Звуки граммофона сливались с девичьими голосами, которые негромко вели мелодию, и словно налетело и окутало его теплое светящееся облако.

Кейси Джонс опять залез в кабину,
Кейси Джонс — работай, не зевай...
Кейси Джонс опять залез в кабину
И последним перегонем двинул в рай¹.

МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ ЮНОГО ЭГОИСТА

В Миннеаполисе Эмори провел почти два года. В первую зиму он носил мокасины, которые при рождении были желтыми, но после неоднократной обработки растительным маслом и грязью приобрели нужный зеленовато-коричневый оттенок; а также толстое, серое в клетку пальто и красную спортивную шапку. Красную шапку съела его собака по кличке Граф дель Монте, и дядя подарил ему серый вязаный шлем, очень неудобный: в него приходилось дышать, и дыхание замерзало, один раз он этой гадостью отморозил щеку, и, как ни оттирал ее снегом, она все равно посинела.

Граф дель Монте как-то съел коробку синьки, но это ему не повредило. А через некоторое время он сошел с ума и понесся по улице, натыкаясь на заборы, катаясь в канавах, да так навсегда и умчался безумным аллюром из жизни Эмори. Эмори бросился на кровать и заплакал.

— Бедный маленький Граф! — плакал он. — Бедный, бедный маленький Граф!

---

¹ Здесь и далее все стихотворные переводы выполнены В. Роговым.

Несколько месяцев спустя ему пришло в голову, что сцена сумасшествия была Графом разыграна, и очень ловко.

Самым мудрым изречением в мировой литературе Эмори и Фрог Паркер почитали одну реплику из третьего действия пьесы «Арсен Люпен». И в среду и в субботу они сидели на дневном спектакле в первом ряду. Изречение было такое:

«Если человек неспособен стать великим артистом или великим полководцем, самое лучшее для него — стать великим преступником».

Эмори опять влюбился и сочинил стихи. Вот такие:

Их две, а я один —
Люблю и Салли, и Мэрилин.
Хоть Салли очень хороша,
Но к Мэрилин лежит душа.

Его интересовало, первое или второе место займет Макговерн из Миннесоты на всеамериканских футбольных состязаниях, как показывать фокусы с картами и с монетой, галстуки «хамелеон», как рождаются дети и правда ли, что Трехпалый Браун как подающий сильнее Кристи Мэтьюсона.

Прочел он, среди прочих, следующие произведения: «За честь школы», «Маленькие женщины» (два раза), «Обычное право», «Сафо», «Грозный Дэн Макгру», «Широкая дорога» (три раза), «Падение дома Эшеров», «Три недели», «Мэри Уэр, подружка полковника», «Гунга Дин», «Полицейская газета» и «Сборник лучших острот и шуток».

В истории он следовал пристрастиям Хенти и очень любил веселые рассказы с убийствами, которые писала Мэри Робертс Рейнхарт.

Школа испортила ему французский язык и привила отвращение к литературным корифеям. Учителя

считали, что он ленив, неоснователен и знания у него поверхностные.

Многие девочки дарили ему прядки волос. Некоторые давали поносить свои колечки, но потом перестали, потому что у него была нервная привычка покусывать их, держа палец у губ, а это вызывало ревнивые подозрения у последующих счастливицев.

Летом Эмори и Фрог Паркер каждую неделю ходили в театр. После спектакля, овеянные благоуханием августовского вечера, шли в веселой толпе домой по Хеннепин и по Николетт-авеню и мечтали. Эмори дивился, как это люди не замечают, что он — мальчик, рожденный для славы, и, когда прохожие обращались на него и бесцеремонно встречались с ним глазами, напускал на себя самый романтический вид и ступал по воздушным подушкам, которыми устлан асфальт для четырнадцатилетних.

И всегда, улегшись в постель, он слышал голоса — смутные, замирающие, чудесные — совсем близко, прямо за окном, а перед тем как уснуть, видел один из своих любимых, им же придуманных снов: либо о том, как он становится знаменитым полузащитником, либо про вторжение японцев и как в награду за боевые заслуги его производят в чин генерала — самого молодого генерала в мире. Во сне он всегда кем-то становился, а не просто был. В этом очень точно выражался его характер.

КОДЕКС ЮНОГО ЭГОИСТА

До того как его вытребовали обратно в Лейк-Джинева, он, робея, но не без тайного ликования, облекся в первые длинные брюки, а к ним — лиловый плиссированный галстук, воротничок «бельмонт» с плотно сходящимися на горле концами, лиловые носки и носовой

платок с лиловой каймой, выглядывающий из нагрудного кармашка. И, что еще важнее, он выработал для себя кодекс, или свою первую философскую систему, которую вернее всего будет определить как аристократический эгоцентризм.

Он пришел к выводу, что самые важные его интересы совпадают с интересами некоего непостоянного, изменчивого человека, именуемого — дабы не отрывать его от прошлого — Эмори Блейном. Он установил, что ему повезло в жизни, поскольку он способен бесконечно развиваться и в хорошую, и в дурную сторону. Он не приписывал себе «сильный характер», но полагался на свои способности (заучиваю быстро) и на свое умственное превосходство (читаю уйму серьезных книг). Он гордился тем, что никогда не достигнет высот ни в технике, ни в точных науках. Все же остальные пути для него открыты.

Наружность. Эмори полагал, что он на редкость красив. Так оно, впрочем, и было. Он уже видел себя многообещающим спортсменом и искусным танцором.

Положение в обществе. Тут, пожалуй, таилась самая большая опасность. Однако он не отказывал себе в оригинальности, обаянии, магнетизме, умении затмить любого сверстника и очаровать любую женщину.

Ум. В этом смысле он ощущал свое явное, неоспоримое превосходство.

Далее придется выдать один секрет. Эмори был наделен чуть ли не пуританской совестью. Не то чтобы он слушался ее — в позднейшие годы он почти окончательно ее задушил, — но в пятнадцать лет она ему подсказывала, что он намного хуже других мальчиков... беззастенчивость... желание влиять на окружающих во всем, даже в дурном... известная холодность и недостаток доброты, порой граничащий с жестокостью... зыбкое чувство чести... несправедное себялюбие... опасливый, неотвязный интерес к вопросам пола.

И еще — все его существо пронизывала какая-то недостойная слабость. Резкое слово, брошенное мальчиком старше его годами (а они, как правило, терпеть его не могли), грозило выбить у него почву из-под ног, повергнуть его в хмурую настороженность или в трусливый идиотизм... он был рабом собственных настроений и сознавал, что хотя и способен проявить бесшабашную дерзость, однако лишен и настоящей храбрости, и упорства, и самоуважения.

Тщеславие, умеряемое если не знанием себя, то недоверием к себе, ощущение, что люди подвластны ему, как автоматы, желание «обогнать» возможно больше мальчиков и достичь некой туманной вершины мира — с таким багажом Эмори вступал в годы юности.

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

Поезд, разморенный летней жарой, медленно остановился у платформы в Лейк-Джинева, и Эмори увидел мать, поджидавшую его в своем автомобиле. Мотор был старый, одной из первых марок, серого цвета. Увидев, как грациозно и прямо она сидит и как на ее прекрасном, чуть надменном лице заиграла легкая, полузабытая им улыбка, он вдруг почувствовал, что безмерно гордится ею. Когда он, обменявшись с ней сдержанным поцелуем, залезал в автомобиль, его кольнул страх — не утратил ли он обаяния, необходимого, чтобы держаться на ее уровне.

— Милый мальчик, ты так вырос... Посмотри-ка, не едет ли что-нибудь сзади.

Она бросила взгляд направо, налево и двинулась вперед со скоростью две мили в час, умоляя Эмори быть начеку; а на одном оживленном перекрестке велела ему выйти и бежать вперед, чтобы очистить ей дорогу, как делают постовые полисмены. Беатриса была, что называется, осторожным водителем.

— Ты сильно вырос, но по-прежнему очень красив, ты перешагнул через нескладный возраст — а может быть, это шестнадцать лет? — или четырнадцать, или пятнадцать — всегда забываю, но ты через него перешагнул.

— Не конфузь меня, — еле слышно сказал он.

— Но, дорогой мой, как ты странно одет! Все словно подобрано в тон, или это нарочно? А белье на тебе тоже лиловое?

Эмори невежливо хмыкнул.

— Тебе нужно будет съездить к Бруксу, заказать сразу несколько приличных костюмов. Мы с тобой побеседуем сегодня вечером или, может быть, завтра вечером. Я хочу все выяснить насчет твоего сердца — ты, наверно, запустил свое сердце и сам этого не знаешь.

Эмори подумал, какую непрочную печать наложил на него общение со сверстниками. Оказалось, что, если не считать некоторой робости, его прежнее взрослое сродство с матерью несколько не ослабло. И все же первые дни он бродил по саду и по берегу озера в состоянии предельного одиночества, черпая какую-то дремотную отраду в том, что курил в гараже дешевый табак с одним из шоферов.

По шестидесяти акрам поместья были во множестве разбросаны старые и новые беседки, фонтаны и белые скамейки, неожиданно возникавшие в тенистых уголках; жило там обширное и неуклонно растущее семейство белых кошек — они рыскали по клумбам, а вечерами внезапно появлялись светлыми пятнами на фоне темных деревьев. На одной из дорожек среди этих темных деревьев Беатриса наконец и настигла Эмори, после того как мистер Блейн, по своему обыкновению, удалился на весь вечер к себе в библиотеку. Побранив его за то, что он ее избегает, она вовлекла его в длинный интимный разговор при лунном свете. Его снова и снова поражала ее красота, которую он унаследовал, ее прелестная шея и плечи, грация богатой тридцатилетней женщины.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

РОМАНТИЧЕСКИЙ ЭГОИСТ

Глава I. ЭМОРИ, СЫН БЕАТРИСЫ	9
Глава II. ШПИЛИ И ХИМЕРЫ	47
Глава III. ЭГОИСТ НА РАСПУТЬЕ	105
Глава IV. НАРЦИСС НЕ У ДЕЛ	137

Интерлюдия

МАЙ 1917 — ФЕВРАЛЬ 1919	175
-----------------------------------	-----

Книга вторая

ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Глава I. ЕЕ ПЕРВЫЙ БАЛ	187
Глава II. МЕТОДЫ ИЗЛЕЧЕНИЯ	221
Глава III. ИРОНИЯ ЮНОСТИ	247
Глава IV. ВЫСОКОМЕРНОЕ САМОПОЖЕРТВО- ВАНИЕ	269
Глава V. ЭГОИСТ СТАНОВИТСЯ ЛИЧНОСТЬЮ . .	281

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 По эту сторону рая : роман / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. М. Лорие. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-02376-5

Фрэнсис Скотт Фицджеральд принадлежит к числу самых крупных прозаиков США XX века. В своих романах «Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «Последний магнат» и других Фицджеральд сумел наиболее ярко и точно выразить настроения «века джаза», отмеченного парадным оптимизмом и взвинченной тягой к потреблению, века, завершившегося в 1929 году сильнейшим экономическим кризисом.

Предлагаем вниманию читателей первый роман писателя, незамедлительно обеспечивший молодому гению почетное место на вершинах литературного олимпа. Перед читателем разворачивается история самовлюбленного тщеславного аристократа, вынужденного пройти суровую школу Первой мировой войны, роковым образом изменившей его судьбу. Разочарование в любви, бедность и множество горьких неудач помогают Эмори Блейну осознать истинную ценность жизни, протекающую «по эту сторону рая».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
ПО ЭТУ СТОРОНУ РАЯ

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Алексея Положенцева

Корректоры Елена Павлова, Валерий Камендо

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.12.2018.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1.

Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.aoompk.ru, www.aoompk.rф

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-7933-89-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В М О С К В Е

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г Е

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В К И Е В Е

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/